

ПРИСВОЕНА
И ПОМЕЧЕНА
СВОДНЫМИ БРАТЬЯМИ-
ПАРАМАМ

AlexisDee

**Присвоена и помечена
сводными братьями-
парами. Книга 2**

Серия «Присвоена и помечена
сводными братьями-парами», книга 2

*[http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74261526
0101](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=742615260101)*

Содержание

51 51-На заднем сиденье моей машины	4
52 52-Обвела вокруг пальца	10
53 53-Спасение Хелани	15
54 54. Я хочу быть её героем	20
55 55-Как мило	25
56 56 – Я провалился.	31
57 57-Уродливая медсестра	37
58 58 – Два красавчика	42
59 59-Потеря моих братьев	48
60 60-Божественная красота моей сводной сестры	53
61 61-Мокрый Принц	59
62 62-Моя дорогая Мать	65
63 63-Идеальный мужчина	70
64 64-Несправедливый мир	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Присвоена и помечена сводными братьями-парами

51 51-На заднем сиденье моей машины

Норман:

– Почему мы не можем её принять? Она в ужасном состоянии, – Максимус повысил голос, хотя и не на меня. Его гнев был вызван полным бессилием, пока он мерил шагами пространство вокруг своей машины; дверь заднего сиденья осталась открытой, и за ней виднелась раненая Хелани. Её вид был поистине ужасающим, любому стало бы её жаль. Но не мне.

Меня это не сильно тронуло. Моя реакция была выученным поведением. Я просто знал, что должен ей сочувствовать, и именно это и пытался сделать.

– Ты хочешь, чтобы наша академия попала в новости? Мы не покладая рук трудились, чтобы достичь того уровня успеха, который у нас есть сегодня. Я не стану рисковать этим ни ради кого, а особенно ради неё, – сказал я, указывая в её

сторону. Я пытался. Но я просто не мог притвориться, будто готов отказаться от всего ради кого-то вроде неё.

С тех самых пор, как она появилась в нашей жизни, она постоянно пыталась привлечь наше внимание. И мои наивные братья повелись на её невинность.

Она хрипела, вероятно, от боли, и мой взгляд задержался на ней дольше, чем я хотел, прежде чем я отвернулся. Нет! Я не позволю себе её жалеть.

Мои братья не отличаются большим умом. Они – эмоциональные дураки с мягкими сердцами, подверженные слабостям. Но у меня нет ни одного из этих недостатков.

Единственная моя слабость – это мои братья.

– К чёрту всё это! Это не вина нашей академии. Люди поймут. Прямо сейчас она умирает... – простонал Максимус, запуская руки в волосы.

Я закатил глаза и опустил на колени у двери машины, с трудом втискиваясь в тесное пространство, чтобы не согнуться в неуклюжей позе. Осторожно я коснулся её запястья, чтобы проверить пульс. Её кожа была гладкой, мягкой на ощупь. Запястье было таким тонким, что я мог обхватить его всего двумя пальцами, и оно всё равно казалось хрупким. Если бы я нажал чуть сильнее, оно бы переломилось пополам.

Я заметил, как затрепетали её густые ресницы, – она боролась, чтобы не закрывать глаза. Несмотря на раны, она пыталась оставаться в сознании. Это меня удивило.

Какая же она упрямая – отказывается даже потерять сознание.

Но её глаза опухли и потемнели, заплыв от синяков почти до неузнаваемости. Я заметил её разбитую губу. Будучи безволчим существом, она, должно быть, перенесла столько боли.

– Что с ней? – рука Максимуса на моём плече заставила меня вздрогнуть.

Я тяжело сглотнул и тут же отдернул руку. Словно я утонул в море неведомых эмоций. На мгновение они не показались выученными, и это меня напугало. Я положил руку на грудь, чуть выше шрама на рёбрах, а затем стряхнул с себя оцепенение.

– Э-э, у неё много травм, но ни одна не смертельна, – сказал я, вставая на ноги и чувствуя странное замешательство.

Какого чёрта я так долго просто держал её запястье?

– Что ж, сама она не исцелится. И то, что она не умрёт, не значит, что она меньше страдает. Посмотри на неё – она едва дышит. Нам нужно оказать ей немедленную помощь, – сказал мой брат, и в его голосе слышалась тревога за девушку, которая, казалось, только и делала, что нарушала наш покой. Хуже того, её мать когда-то тоже опутала нашего отца своими манипуляциями.

Я помнил, как её мать вела себя точно так же, когда впервые появилась в нашей жизни. Она вечно была такой беспомощной, постоянно попадала в неприятности, а мой отец

обожал влетать и спасать её в роли её «героя».

– Давай отвезём её в наш фермерский дом. Я вызову врачей и медсестёр, заставлю их подписать НДА и позабочусь, чтобы о ней хорошо заботились. С ней всё будет в порядке, ясно? – я похлопал Максимуса по плечу, пока тот продолжал на неё смотреть. Я не собирался позволить этой проблеме стать петлёй на шее моего брата. Он ещё не понимал всей серьёзности ситуации.

– Максимус, помнишь, что мы о ней говорили? Она заставляет нас терять себя, – напомнил я ему. Я так гордился им сегодня за то, что он её раскусил, но теперь он снова сдавался, прямо как остальные.

Мы не должны мыслить как эмоциональные дураки. Мы управляем академией, и наш долг – защищать её репутацию превыше всего. А ещё, имидж моего брата значил для меня всё на свете.

– Ладно, но мы должны хорошо о ней позаботиться. Это случилось с ней под крышей нашей академии, – сказал Максимус с заметной усталостью в голосе. Но он знал, что может мне доверять.

Я всё исправлю. Чего этот дурак не понимал, так это того, что если кто-нибудь узнает, его начнут допрашивать: почему он искал Хелани – кандидатку – после полуночи. Он сказал мне, что хотел с ней разобраться, но никто бы этого не понял; они бы сочли это отговоркой. Я бы пожертвовал сотней таких, как Хелани, если бы это означало защитить репута-

цию моего брата.

– Ладно, тогда поехали в фермерский дом, – покорно сказал Максимус, направляясь обратно к машине. Но я схватил его за руку, останавливая.

– Поезжай домой. Я о ней позабочусь, – сказал я, наблюдая, как Максимус задумался, а затем, очнувшись, замотал головой.

– Я могу отвезти её сам, – настоял он. Однако я знал, что он сейчас плохо соображает и в итоге наделает ошибок. Прежде всего, мне нужно было держать её подальше от него.

– Максимус, ты мне не доверяешь? – спросил я, уперев руки в бока.

Побеждённо вздохнув, он вышел и уступил мне место. Я сел в его машину, отправив его домой на своей.

Заведя двигатель, я поправил зеркало заднего вида, чтобы бросить быстрый взгляд на эту королеву драмы.

– Как можно умудриться постоянно попадать в неприятности? – пробормотал я, качая головой и обращаясь к ней.

Я не был уверен, слышит ли она меня вообще; она наконец-то потеряла сознание.

Завтра придётся чистить машину Максимуса. Она запачкала её своей кровью. Бедняга – он, должно быть, был вне себя, когда понял, что она пропала.

Почему она не могла просто заниматься своими делами и держаться подальше от неприятностей?

Но тут до меня дошло: завтра испытание, и в таком состо-

янии она никак не сможет выйти на поле.

– Похоже, ты провалишь это испытание, а потом вылетит из академии, – я не мог поверить, что из чего-то трагического вышло нечто хорошее.

52 52-Обвела вокруг пальца

Норман:

– Что ж, полагаю, на этот раз Богиня Луны и вправду хочет, чтобы ты перестала нас беспокоить, – сказал я, надавив на газ. Впереди была долгая дорога, но я знал, что её травмы не угрожают жизни.

Я уже договорился, чтобы к нашему приезду нас ждали врачи и медсёстры. Наш семейный фермерский дом был прекрасным местом, утопающим в зелени и полным воспоминаний. Спустя несколько часов пути я наконец подъехал к дому.

Скорая помощь вместе с бригадой медиков уже была на месте.

– Занесите её внутрь, – распорядился я, поправляя рубашку. Было восемь утра, а я всю ночь не сомкнул глаз. И всё же безмятежная утренняя погода освежала. Я сделал глубокий вдох, позволяя себе на мгновение расслабиться, пока наблюдал, как парамедики перекладывают её на носилки.

Она выглядела такой подавленной, такой одинокой. Моя лёгкая улыбка угасла, когда я вспомнил звук её мучительно-го дыхания, её голос, полный скорби.

– Тьфу! – пробормотал я, отворачиваясь и пытаясь очистить разум.

– Хорошо о ней позаботьтесь. Я зайду позже, хорошо? Ес-

ли случится что-то срочное, позвоните мне, – сказал я доктору. Он кивнул, но прежде чем я успел уйти, добавил: – Ваш брат звонит без остановки. Мне сообщить Максимуму Макквойду о её состоянии?

Меня накрыла волна напряжения. Мой брат так волновался, что связался со всеми, кто был здесь задействован.

– Только если он снова позвонит, – твёрдо сказал я. – Но сами ему не звоните. Пусть отдохнёт. – С этими словами я направился обратно к машине, стремясь успеть на испытание на полигоне.

Со всей этой неразберихой разберутся, не втапывая репутацию нашей академии в грязь. И я не позволю никому ставить под сомнение решения моего брата.

Как только я снова сел в машину и выехал на дорогу, позвонил телефон. Это был Максимум. Мысли о его постоянном беспокойстве за Хелани вызывали у меня лишь раздражение. Если бы её не было в нашей жизни, мой брат был бы избавлен от всего этого стресса.

– Да, Максимум, с ней всё в порядке. Здесь лучшие врачи, и они хорошо о ней заботятся. Сказали, что она потеряла кровь, но не смертельно. Ты быстро её нашёл, и это её спасло. Просто без активного волка она не может исцеляться сама. Не волнуйся, она в надёжных руках, – заверил я его на одном дыхании, надеясь, что ему станет хоть немного легче.

Ещё несколько минут я его успокаивал, и наконец он повесил трубку. Было чудом, что она вообще могла двигаться

после такого ужасного падения. Её травмы не угрожали жизни, но боль, которую она, должно быть, испытывала... для большинства была бы невыносимой.

Но почему нас это вообще волновало?

Каждый день страдают бесчисленные люди. Мы не можем скорбеть по всем ним.

Добравшись до особняка, я быстро принял душ, надел чистую белую рубашку и направился на тренировочный полигон. Мои братья уже были там и готовились начать испытание. Когда я приехал, то увидел кандидатов, стоящих в ряд. Они поприветствовали меня уважительным поклоном, а затем сели, когда я жестом предложил им занять свои места.

– Какие-то проблемы, Люси? – спросил я, заметив, как напряжённая девушка с короткими волосами оторвала взгляд от своего стола.

Наш экзамен для всех кандидатов из этого приюта проводился под открытым небом. Сегодня была их очередь проходить испытание.

– Просто... одна из нас ушла прошлой ночью, – пробормотала она с мрачным выражением лица.

Она что, о Хелани? Я думал, она здесь никому не нравилась.

– Что ж, кто ушёл, тот ушёл. Вам следует сосредоточиться на собственном испытании и сохранять соревновательный дух, – сказал я ей, давая понять, что разочарован тем, что она отвлеклась.

– Значит ли это, – уверенно спросила Салем, поднимая голову, – что раз одна из нас ушла, то кандидат с самым низким баллом всё равно проходит? – Она не ошиблась. Правило гласило, что из каждого приюта дальше могут пройти только пять кандидатов, а значит, один обычно выбывает. Но раз Хелани ушла, им всем технически было гарантировано место в академии. Впрочем, мы всё равно проводили испытание, чтобы оценить их способности.

Я хорошо знал всех кандидатов; я тщательно изучил их до этого.

– Именно, – ответил я, одобрительно кивнув ей. Салем гордо выпрямилась.

Поскольку в каждом раунде выбывает только один ученик, им стоило быть благодарными за уход Хелани.

Именно в этот момент подошли Эммет и Максимус. Они выглядели отдохнувшими – ровно до тех пор, пока их взгляды не упали на пустое место. Максимус уже знал, что случилось, а вот Эммет, казалось, был в замешательстве.

– Где Хелани? – спросил Эммет, подойдя ближе и прошепав мне на ухо.

– Она ушла, – сказал я, скрыв от него правду, чтобы не вызывать ещё большего беспокойства из-за этой изгойки.

– Хм. Что значит «ушла»? – спросил Эммет, и на его лице отразилось разочарование, прямо как я и ожидал.

– Я всё объясню после экзамена, – заверил я его твёрдым взглядом. Рано или поздно мне придётся ему расска-

зять, иначе он подумает, что я что-то от него скрываю.

– Но... – начал Эммет, но Максимус, прекрасно осознававший серьёзность ситуации, мягко оттеснил его назад.

– Хелани сегодня здесь не будет. Давай покончим с этим, а после я расскажу тебе всё, что случилось, – сказал Максимус, пытаясь успокоить Эммета. Но тот всё равно принялся расхаживать туда-сюда, излучая такое сильное раздражение, что я начал за него беспокоиться.

– Где Кайе? – спросил я, оглядываясь в поисках остальных. Эммет и Максимус уже были здесь, но Кайе нигде не было видно.

Впрочем, долго ждать его не пришлось, вот только он принёс с собой неприятности. Одетый в большое чёрное пальто с поднятым воротником, он подошёл, излучая свирепую энергию, а за ним плотной группой следовали воины. Гнев в его глазах был неприкрытым, и я почувствовал, что он готов к решительным действиям.

– Я здесь, – объявил Кайе, и его голос был напряжён от гнева. – И я здесь, чтобы арестовать двух презренных кандидатов, которые прошлой ночью совершили преступление.

53 53-Спасение Хелани

Кайе:

Когда я добрался до своей комнаты, на меня навалилась тяжёлая грусть. Я не мог до конца понять почему, но что-то в этой ночи было не так. Я погрузился в ванну, позволяя бесчисленным мыслям роиться в голове.

– Эта связь пары... должно быть, это просто что-то из тюрьмы сновидений, – пробормотал я себе под нос, пытаюсь во всём разобраться.

– Чёрт возьми! – с досадой простонал я.

Каждый раз, когда я закрывал глаза, я вспоминал слова, сказанные Хелани в тюрьме сновидений. Неужели?

Над ней и вправду издевались?

Или это было что-то ещё хуже – насилие?

Она говорила, что не хочет относиться к своему телу здесь так же, как в реальном мире. Ещё она упомянула какую-то группу альф. Я тяжело вздохнул и выбрался из ванны. С тех пор как я вернулся, я начал видеть Хелани в ином свете. Я мог бы подумать, что она лжёт, чтобы вызвать сочувствие... если бы только так оно и было.

Но она никому об этом не говорила, не было и намёка на жестокое обращение. Я помню, как братья рассказывали мне, что, когда она только приехала, она голодала несколько дней. А ещё был тот факт, что она даже не хотела возвра-

щаться в свою стаю.

Вытершись, я надел чёрные боксеры и сразу лёг в постель. Завтра был большой экзамен для новых кандидатов, и именно я составил этот тест.

Я проснулся от тусклого серого света, пробивавшегося через окно – наступил рассвет, хотя солнце едва проглядывало сквозь облака. Моё тело казалось отяжелевшим, словно сама ночь вцепилась в меня, не желая отпускать. В груди осталась тупая, глубокая боль, но я не мог понять почему.

Я не мог отделаться от ощущения, что прошлой ночью случилось что-то плохое. Я не помнил что, но знал, что проснулся среди ночи с той же странной грустью, давившей на меня.

Я скатился с кровати, зевая и потягиваясь. Погрузив лицо в раковину, я умылся, а затем замер, сжав руками края раковины и глядя вниз, на воду.

– Что происходит? – с досадой простонал я. Я ненавидел это чувство. До всей этой истории с тюрьмой сновидений я был так сосредоточен на своих целях, уверен в своём пути. А теперь всё, о чём я мог думать, – это о той, кто скоро станет моей сводной сестрой.

Я почувствовал вспышку отвращения, но тут же вспомнил наш поцелуй. Он казался таким необузданным, таким настоящим.

У меня пересохло во рту, а мышцы были напряжены, словно я сжимал кулаки во сне. Что бы ни держало меня в

таком напряжении, я не мог точно определить, что это. Я накинул чёрное пальто и решил обойтись без рубашки. В одних лишь чёрных брюках я изучал своё отражение в зеркале. Мои волосы были немного растрёпаны, и, казалось, пришло время для перемен.

– И кого это ты собрался впечатлять? – я не ожидал, что Йе будет таким критичным. Но, с другой стороны, мой волк всегда был таким.

– А? С чего бы мне кого-то впечатлять? Ты же меня знаешь. Я делаю, что хочу. Это просто для разнообразия, – я пожал плечами, чувствуя укол раздражения. Я ненавидел, когда кто-то сомневался в моих мотивах.

– Раньше ты делал всё, чтобы тебя приняли Папа и Мама, – фыркнул Йе, – а теперь в этот список добавилась Хелани?

Я покачал головой, пытаюсь не обращать внимания на его слова, и принялся втирать гель в волосы, укладывая их. Я завершил образ тяжёлой цепью на шее и надел часы, подаренные братом Норманом. После этого я просто перекинул длинное пальто через руку, чтобы надеть его позже.

Когда я был готов, я вышел из комнаты и тут же столкнулся с Максимусом. Но он, казалось, не заметил меня – он был в своём мире, разговаривая с кем-то по телефону. Засунув руки в карманы, я неторопливо подошёл ближе, собираясь поздороваться, но его слова заставили меня замереть на месте.

– Как Хелани? Она хорошо восстанавливается? – одно лишь упоминание её имени приковало моё внимание к его разговору.

– Я понимаю, Норман, и я доверяю тебе и врачам, которых ты для неё выбрал. Но её состояние было таким плохим. Я уверен, эти кандидаты что-то с ней сделали, – сказал он, и от его беспокойства моё тело напряглось.

Кто-то что-то сделал с Хелани? Когда?

Должно быть, это случилось прошлой ночью. Не потому ли я чувствовал себя таким беспокойным?

Но с чего бы мне тревожиться за неё? Мы с ней не связаны кровными узами, так почему её положение так сильно на меня влияет?

Я не хотел считать причиной связь пары из тюрьмы сновидений – я знал, что это ложь.

– Я видел, как Ламар убирал кровь на кухне, а Сидни открыла дверь и солгала мне, сказав, что Хелани хочет уйти. Только они двое не спали. Я уверен, они что-то сделали. Мы что, правда ничего не собираемся с этим делать? – беспокойство Максимуса о Хелани заставило что-то неприятно сжаться у меня внутри.

Я должен был бы радоваться, что мой брат такой ответственный и заботливый. Но почему я не радовался?

– Ладно, ладно. Просто скажи врачам, чтобы обеспечили её безопасность. Думаю, на фермерском доме с ней всё будет в порядке, – сказал он, а я кивнул сам себе, переваривая всё,

что подслушал.

Не подавая вида, что я всё слышал, я ушёл.

– Что ты делаешь? – спросил Йе, заметив, что мой шаг ускорился. Я направился к выходу и быстро сел в машину.

Экзамен должен был начаться в полдень, и приют Хелани должен был сдавать его первым. Сейчас было всего пять утра, но я знал, что должен поступить правильно.

– Я еду в фермерский дом, – сказал я, влетая в машину и с досадой вцепившись в руль.

– Чёрт возьми! – простонал я, выезжая на дорогу и пытаюсь осознать, что случилось с Хелани. Хуже всего было то, что, похоже, никто не собирался ничего предпринимать против Сидни и Ламара.

– И почему нас это должно волновать? Это не наша проблема. Мы должны сосредоточиться на собственных целях, – прошипел мне Йе, но я его проигнорировал.

Всё, что я видел, – это длинная дорога впереди и моё собственное растущее беспокойство о Хелани. В глубине души я знал, что, если я сам её не проведаю, это чувство только усилится. Мне нужно было увидеть её своими глазами.

54 54. Я хочу быть её героем

Кайе:

Хотя мой волк и таял, что не стоит тратить время на Хелани, я продолжал ехать и через несколько часов добрался до фермерского дома.

Как только я вышел из машины, то сразу заметил воина, который держал телефон у уха, пока не встретился со мной взглядом.

Он медленно опустил телефон и неловко кашлянул, когда я прошёл мимо него.

– Серьёзно? Звонишь моему брату, чтобы доложить о моём приезде? – я смерил его недоверчивым взглядом, а затем направился к главным воротам и жестом велел воину их открыть.

Бассейн был грязным, как будто за фермерским домом никто не ухаживал. Почему?

Только потому, что мы с братьями здесь не останавливались? А как же Хелани? Почему они не прибрались до её приезда?

– И чтобы кто-нибудь почистил этот чёртов бассейн и всё вокруг него! – крикнул я, наблюдая, как все бросились исполнять приказ. Они прекрасно знали, что оправдываться бесполезно. У меня была одна проблема – я не умел сдерживать свою ярость.

Иногда я говорил настолько обидные вещи, что предпочитал разорвать с человеком отношения, лишь бы не извиняться за свои вспышки гнева.

Извиняться перед кем-то, кто не был членом моей семьи, было мне не по душе. Меня не учили кланяться. Я был твёрдо намерен заставить весь мир склониться передо мной.

Но сейчас все мои мысли были только о Хелани.

– Где она? – спросил я, входя в дом, когда передо мной открылась раздвижная стеклянная дверь.

Просторная гостиная была полна бездельничающих медсестёр. По крайней мере, Норман распорядился, чтобы за Хелани присматривала целая команда врачей и медсестёр.

– Она отдыхает, – быстро вскочила на ноги медсестра, пряча за спиной кофейную кружку. Неужели она думала, что я ничего не замечу?

– Значит, здесь пациентка, а вы все просто развалились и бездельничаете? – я упёр руки в бока, а затем сжал пальцами переносицу, изо всех сил стараясь не закричать.

– Вообще-то, мы позаботились о ней и решили сделать небольшой перерыв... – начала было объяснять та же медсестра, пока остальные отходили от стола, заставленного едой. От одного этого вида моя кровь закипела. Хелани, должно быть, в ужасном состоянии, – это я уже понял из слов Максимуса, – а они тут... устроили праздник.

Они оккупировали кухню и гостиную и смотрели по телевизору фильмы, словно приехали сюда в отпуск.

– Откройте мне эту чёртову дверь! – заорал я. Из одной из комнат появился врач и, поспешно кланяясь, направился ко мне, на ходу неловко поправляя рубашку.

Это что, медицинская бригада или группа туристов?

Пока я стоял перед ним, уперев руки в бока и тяжело дыша, повисла неловкая тишина. Мне хотелось кричать, отчитать их всех за такое неуважение, но стоило мне подумать о Хелани, как ярость тут же отступила.

– Что с ней случилось? – спросил я, и мой голос прозвучал уже ровнее. Я направился к комнате, в которой она находилась.

– У неё тяжёлые травмы. Кто-то жестоко её избил, – объяснил врач, пересказывая то, что он узнал от Максимуса и Нормана о событиях прошлой ночи.

От этих слов мне захотелось со всей силы ударить кулаком в стену.

– Хорошо, оставьте меня с ней наедине, – я жестом велел ему отойти и вошёл в полутёмную комнату. Она лежала там, подключённая к капельницам, окутанная тенью.

Её тело покрывали бинты, лицо распухло, а голова была обмотана марлей. Лежа в этой кровати, она казалась такой хрупкой, словно создание, слишком нежное для окружающего мира.

– Хелани... – я придвинул стул к её кровати и сел, глядя ей в лицо. Даже после всего, что с ней сделали, она сохранила какую-то завораживающую красоту. В её чертах было что-то

загадочное, словно внутри она скрывала целый мир.

– Эй, – прошептал я, осторожно проводя кончиком пальца по тыльной стороне её ладони. Один из пальцев на правой руке был сломан и загипсован. К другой руке была подключена капельница, так что я старался касаться её как можно легче. Прикасаться к ней без разрешения казалось почти посягательством.

«Посягательством? Ты не слишком драматизируешь?» – проворчал мой волк. «Ладно, она ранена и всё такое, но, да брось, она всего лишь очередная волчица. Ну ладно, может, ещё и наша сводная сестра», – со вздохом добавил он.

«И говорю тебе, мы волнуемся лишь потому, что она наша сводная сестра. Не более того», – настаивал он.

Но я не обращал на него внимания. Мой взгляд оставался прикован к Хелани. Я сидел в тишине минут десять, а потом увидел, как её веки дрогнули и приоткрылись. Моё сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Я быстро отпрянул, убирая свою руку от её, и дал ей немного пространства.

– Доктор Алсон, она очнулась! – позвал я врача, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

Врач тут же вбежал, и я отошёл в сторону, хотя из комнаты не вышел. Я не мог избавиться от чувства, что, пусть мой брат и привёз её сюда, врачи не воспринимали её состояние всерьёз. Но теперь будут.

А иначе – я об этом позабочусь.

– Хорошо, её состояние стабильно, но на восстановление потребуется время, – сказал врач после часа осмотров и процедур. Он ушёл, и в комнате снова стало тихо. Мы остались вдвоём.

Она сидела, оперевшись на две подушки, и медленно дышала, уставившись в стену перед собой.

– Хелани! – я подошёл ближе и снова сел рядом.

– Это ты... спас меня? – спросила она дрожащим голосом. На её ресницах собрались слёзы и срывались вниз с каждым морганием. Я мог только представить, какой страх и боль она, должно быть, пережила прошлой ночью, когда ей причиняли боль.

Я замялся, чувствуя, как внутри поднимается волна вины. Я знал, что на самом деле её спас Максимус. Но его здесь не было, а она, похоже, видела своего спасителя именно во мне.

Слегка кивнув и с огромным чувством вины, я ответил: – Да.

Я всегда немного ревновал к Максимусу – не из злости, а из зависти. Я видел, как родители осыпали его похвалами, приписывая ему все заслуги, даже когда я справлялся с каким-нибудь проектом ничуть не хуже.

Но сегодня я впервые нарушил своё правило – никогда ничего не брать у своих братьев. Я присвоил себе чужую заслугу, и сделал это ради той, с кем меня связывали совершенно непонятные мне отношения.

55 55-Как мило

Хелани:

– Кого ты выбираешь? – мой отец нависал надо мной, возвышаясь над маленькой шестилеткой. Каждый раз, когда он задавал этот вопрос, я чувствовала себя так, словно совершаю преступление, просто задумавшись о выборе.

– Я не хочу без Мамочки, – прохныкала я, крепко сжимая своего плюшевого мишку.

– Хелани! Ты уже не ребёнок! – отец вырвал мишку у меня из рук, пытаясь силой добиться ответа.

– А теперь посмотри на меня и скажи, кого ты выбираешь? – потребовал он, впиваясь в меня своим напряжённым взглядом.

– Мамочку! – едва слышно прошептала я, кажется, уже в сотый раз за неделю выбрав маму. И снова его рука опустилась на мою щеку.

– Такой, как ты, любви не видать. Раз не можешь выбрать отца, то не заслуживаешь быть дочерью. Я дал тебе всё – даже этого дурацкого мишку. Я работаю день и ночь ради тебя и твоей матери, а ты всё равно выбираешь её? – его голос дрожал от крика, и я сжалась в комок, безудержно рыдая.

– Хватит! – раздался спасительный голос мамы. Она вошла в комнату и увидела, что он творит.

– Она не хочет идти! Зачем ты её заставляешь? – крикнула

она, прижимая меня к себе, и я растаяла в её объятиях.

– Раз ты изменил, Альфа Диаз разрешил мне оставить её у себя, пока наш разрыв не будет окончательно оформлен в полную луну. Так что отстань! – мама крепко обняла меня, и я впервые почувствовала себя в безопасности в её руках. Я никогда не говорила ей, что каждый раз, когда папа заставлял меня выбирать, я всегда выбирала её.

Папа ясно дал понять: если я выберу маму, он будет жесток со мной всякий раз, когда я буду приезжать к нему. А я не хотела, чтобы папа был жестоким.

– Ладно! Забирай её, сколько влезет, но однажды она сделает выбор. И выберет меня, – сказал он, и его голос эхом разнёсся по комнате. Он твердил, что в конце концов мне придётся сделать выбор, но игнорировал правду. Я уже выбрала. Я выбрала маму.

– Хелани!

Знакомый голос начал пробиваться сквозь сон. Образ мамы расплылся, и я, медленно открыв глаза, обнаружила, что меня окружают врачи. Мне потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, что произошло прошлой ночью.

Однако я была потрясена, увидев рядом с собой своего сводного брата. Это место было мне незнакомо, а я могла бы поклясться, что прошлой ночью умерла.

– Ты... спас меня? – я едва могла связать и двух слов. Кайе сидел в кресле у моей кровати с непроницаемым выражением лица.

Он мгновение смотрел на меня, прежде чем ответить:— Да.

Я была ошеломлена. Как ему всегда удавалось найти меня? Спасти меня?

— Почему... и как ты нашёл меня? — мой голос был чуть громче шёпота. Я плакала не от боли после вчерашнего нападения; мне было унижительно, что кто-то видел меня в таком состоянии.

— Не знаю... Но расскажи, что случилось прошлой ночью, Хелани. Мне нужно, чтобы ты рассказала всё, — настоял он, и его взгляд сузился. От напора в его голосе я на миг замерла, а затем с трудом сглотнула.

— Не думай ни о чём другом, только о вчерашнем вечере, — добавил он, заметив, что мои мысли унеслись куда-то далеко.

— Те, кто это сделал... они из престижных стай. Не думаю, что мне кто-нибудь поверит. А даже если я назову их имена, они станут издеваться ещё больше, если я вообще доберусь до академии... — я осеклась, вспомнив, почему эта мечта, возможно, больше неосуществима.

— Академия, — повторила я, пытаюсь сесть, но Кайе удержал меня.

— Эй, тебе нельзя вставать, — твёрдо сказал он, и его уверенный взгляд заставил меня замереть, чтобы не навредить себе ещё больше.

Почему он так обо мне беспокоится?

– Нет! Я не могу пропустить экзамен! У меня есть эта единственная цель, этот единственный шанс, и... о нет! Я всё пропущу! – я оставила попытки встать с кровати, откинулась на подушку и впервые зарыдала в голос. Академия была моей единственной целью, причиной двигаться дальше, а теперь казалось, что и её у меня отняли.

– Хелани! Я добьюсь, чтобы этот чёртов экзамен отложили, пока ты не поправишься, слышишь меня?! – он схватил меня за руки, нависая надо мной, и кричал, пока мои рыдания не стихли и я ошеломлённо не посмотрела на него.

– Что?

Я была в замешательстве. Что он только что сказал?

– Ты... отложишь экзамен? – спросила я, с трудом сглотив. Слова царапали горло, словно иглы.

– Отложу, – ответил он, убирая руки с моих предплечий и снова садясь. Я же прислонилась к изголовью, почти сев.

– Но почему? Разве ты не хочешь, чтобы меня вычеркнули из списка? Разве не этого хотят твои братья? – я вспомнила, как Норман и Максимус, казалось, были полны решимости добиться, чтобы я провалила эти испытания.

– Нет! Я не такой, как мои братья, – резко ответил он. А затем, почти про себя, пробормотал: – По крайней мере, не для тебя.

Он сказал это так тихо, что я не была уверена, правильно ли расслышала.

– А что до тех, кто причинил тебе боль... ты и вправду

думаешь, что я не способен наказать парочку так называемых представителей элиты? Хелани, твой... – он запнулся, явно с трудом подбирая слова, – ...твой сводный брат... – Он практически застонал от этого определения, словно ему было больно так себя называть.

Значит, ему всё ещё трудно принять нашу связь. Так почему же он так обо мне беспокоится?

– Твой сводный брат очень могуществен. А теперь просто начни с самого начала и смотри, как я разберусь с этими ублюдками, – сказал он, позволив себе едва заметную улыбку. На мгновение боль, которую я чувствовала, утихла.

– Это были Ламар и Сидни. Я ничего не сделала. Я умираю с голоду и пошла на кухню... а там застала их... за тем, как они обжимались. Они так разозлились. Она не хотела, чтобы поползли слухи, поэтому уговорила Ламара избить меня и выбросить где-нибудь подальше, чтобы я не попала на экзамен. Они хотели от меня избавиться, и теперь они победили, – от одних только разговоров об академии к горлу подкатил болезненный ком. Казалось, я никогда ни о чём не пеклась так сильно, как о достижении своей цели.

– Ты не проиграла, а они ничего не выиграли. Мне плевать на репутацию нашей академии. Меня волнует справедливость, и экзамен отложат, пока ты не наберёшься сил, чтобы в нём участвовать. Я лично прослежу, чтобы тебя доставили на место проведения испытаний, – твёрдо сказал он. А затем неожиданно положил руку мне на лоб и нежно погла-

дил.

Что на него нашло?

56 56 – Я провалился.

Норман:

Все это разворачивалось на моих глазах. Мой брат прибыл с воинами, чтобы произвести арест, и у меня было дурное предчувствие на этот счет.

– Что происходит, Кайе? – я ровным шагом приблизился к нему, пытаясь привлечь его внимание. Его вздувшиеся мускулы и напряженные вены ясно давали понять, насколько он был обеспокоен – и зол – этим конкретным делом.

Я взглянул на кандидатов и увидел, как Сидни и Ламар смотрят друг на друга. Это напомнило мне слова Максимуса.

– Прошлой ночью здесь кое-что случилось. Прямо в этом убежище, – объявил Кайе, поднимая руку и указывая на хижину позади всех.

Большинство кандидатов выглядели озадаченными – за исключением двух обвиняемых в причастности.

Я взглянул на Максимуса, и он ответил мне взглядом, который говорил, что даже он понятия не имел, что происходит с Кайе.

Я не говорил Кайе, и, похоже, Максимус тоже. Так откуда Кайе вообще мог знать?

– Что случилось? – спросил Эммет, откладывая бумаги и засовывая руки в карманы.

– Можем мы сначала обсудить это наедине? – спросил я

Кайе, чувствуя себя неловко из-за того, как он вел себя. Если дело действительно было в Хелани и двух кандидатах, то с этим нужно было разобраться деликатно. Портить репутацию нашей академии из-за этой девушки было бы безрассудно – и, кроме того, мы даже не знали всей правды.

Может быть, у них произошла стычка с Хелани, и она просто не вышла победительницей? Такое часто случается среди оборотней. Мы отчасти животные, и подобные ситуации возникают.

– Нет! Все должны знать, – отказался Кайе, даже не взглянув на меня. Он направился прямо к кандидатам и остановился у стола Ламара.

Ламар сидел прямо, с невозмутимым лицом, хотя легкое подергивание на его висках выдавало нервозность. Я чувствовал его тревогу через всю комнату. В этот момент они оба выглядели настолько виноватыми, что было трудно сомневаться в том, что прошлой ночью что-то произошло.

Неужели они могли быть настолько бессердечными, чтобы напасть на нее без всякой провокации?

– Встать. – Без лишних слов Кайе схватил Ламара за воротник и вытащил из-за стола, шокировав всех вокруг. Сидни в ужасе прикрыла рот, когда Кайе подошел к ее столу и схватил ее за хвост.

Я поморщился, скривившись всем телом и стиснув зубы. То, как грубо он с ними обращался, выглядело неправильно. Но разве это не было оправданно?

– Эй, нельзя с ней так! – Салем поднялась, чтобы защитить сестру, но ее взгляд наткнулся на стальной взор Эммета издалека. Он молча стоял, склонив голову, и его напряженные глаза выглядывали из-под густых бровей, а он постукивал кончиком указательного пальца по столу в качестве предупреждения. Она снова села, закрыв лицо руками.

– Эти двое прошлой ночью напали на невинную кандидку, – объявил Кайе смелым и непреклонным голосом. – Они избили ее без какой-либо провокации или проступка с ее стороны, а затем бросили у подножия холма, зная, что у нее нет волка. Она могла умереть.

Эти подробности показались мне странными.

– А тот факт, что ты... – он тряхнул Сидни за хвост, все еще держа их обоих рядом с собой. Высоко возвышаясь между ними, он посмотрел на них сверху вниз. – Ты подговорила этого зверя напасть на нее, – прорычал он Сидни, которая не отрывала глаз от пола.

Откуда он все это знал?

Даже Максимус переглянулся со мной, прежде чем достать телефон, чтобы связаться с воинами на фермерском доме.

– Постой... они напали на Хелани? – Эммет наконец оторвал взгляд от Салем, чтобы спросить брата.

– Они бросили ее умирать, – ровным голосом добавил Кайе.

Не говоря ни слова, Эммет шагнул вперед, длинными ша-

гами сокращая расстояние, и резко вырвал Ламара из хватки Кайе.

Эммет заставил Ламара повернуться к нему лицом, а затем ударил его прямо в челюсть, заставив меня броситься к нему, чтобы остановить. Эммету было не по себе, он большую часть времени сдерживался лишь потому, что не хотел высвободить бурю, которая каждую секунду кипела внутри него.

– Эммет, пусть воины с этим разберутся, – сказал я, подбежав к нему сзади и обхватив его руками за талию, чтобы оттащить от Ламара. Максимус все понял и быстро встал между Эмметом и Ламаром – только для того, чтобы самому приняться избивать Ламара.

– Эй! – крикнул я. С этим делом нужно было быть осторожнее. Двое виновников могли сыграть на сочувствии, а мы этого не хотели. Сидни и Ламар позже заявят, что с ними жестоко обращались еще до начала расследования.

Эти двое совершили преступление; им нельзя давать ни малейшей возможности выставить себя жертвами позже.

– Воины, уведите их и сообщите их стаям, – приказал я, наконец сумев оттащить своих братьев от Ламара, который был почти без сознания.

Кайе отпустил Сидни, но смотрел на нее так, словно хотел покончить со всем прямо здесь и сейчас.

– Я ничего не делала! Вы, ребята, обвиняете нас только потому, что меня обвинила какая-то безволчья изгойка. Она

просто мне завидует! – начала тираду Сидни, когда воины двинулись, чтобы надеть на нее наручники.

– Правда? Тогда скажите мне, вы двое... – Максимус повернулся к Люси и Гэвину. – Хелани говорила вчера вечером, что собирается уйти? Она ушла прямо у вас на глазах?

Я заметил, как Салем медленно взглянула на Гэвина и Люси, бросив на них предостерегающий взгляд.

– Нет! Она была так решительно настроена. Она бы никогда не ушла – это не в духе Хелани. – Несмотря на то, что Люси обычно была робкой и пряталась за спиной своего парня, она встала, чтобы высказаться.

Я смотрел, как она уверенно выступила за правду.

– Вот видишь, брат, – сказал Кайе, подходя ко мне с удивительной резкостью. – Даже новая кандидатка знает, как заступиться за того, кого едва знает. Дело не в конкретном человеке, а в том, чтобы поступать правильно. – Меня поразило, когда Кайе наклонился и прошептал, и в его глазах ясно читалось разочарование.

Я впервые в жизни видел такое выражение на его лице.

– Ты думаешь, я поступаю неправильно? – Я попытался схватить его за руку, чтобы остановить, ошеломленный тем, что мой младший брат теперь против меня, и все из-за Хелани.

Она что-то сказала ему обо мне? Она была в полусознании, когда я отвез ее в фермерский дом. Может, она слышала, как я выплескивал свое раздражение.

– Это не имеет значения. Правосудие свершится, – ответил Кайе, высвобождая руку и быстро уходя прочь. Он оставил меня смотреть, как воины арестовывают двух виновников и уводят их, в то время как мои братья оглядывались на меня с таким выражением лиц, которого я никогда не хотел видеть.

57 57-Уродливая медсестра

Хелани:

Меня часами пичкали успокоительным, но во сне ужасающие события ночи Альф – и лица Ламара и Сидни – снова и снова прокручивались в моих кошмарах. Когда я наконец очнулась, то поняла, что уже слишком поздно.

– Прошу вас, не вставайте. Вам нужно отдыхать, – произнесла медсестра возле моей кровати, но то, как она крепко вцепилась пальцами мне в плечо, усаживая обратно, ясно давало понять, что забота обо мне ей не в радость.

– Я просто хочу знать... экзамен начался сегодня? – спросила я хриплым, напряжённым голосом.

– Чего? Я вам не справочное бюро. Почему бы вам просто не лежать смирно и отдыхать? – раздражённо ответила она.

Я не понимала. Почему она так на меня злится?

– Она опять проснулась? Мы не можем вечно ставить фильм на паузу, – проворчала вошедшая вторая медсестра, и тут до меня дошло, почему они так недовольны.

– Спите, ясно? – приказала медсестра, метнув в меня острый взгляд, прежде чем отвернуться к своей коллеге.

– Она всё время просыпается, – донёсся до меня её недовольный голос, когда они вышли, с грохотом захлопнув за собой дверь.

– Можно мне во... – начала было я, но громкий хлопок

двери оборвал меня на полуслове. Я огляделась в поисках воды, но в пределах досягаемости ничего не нашла.

Я откинулась на подушки, уставившись в потолок. Нет. Я не позволю им так со мной обращаться. Они здесь, чтобы заботиться обо мне, и я не собиралась мириться с ролью обузы лишь потому, что они не могут наслаждаться благами фермерского дома.

Я заметила на прикроватном столике пустой стакан. Двигать рукой было трудно: я уже какое-то время была прикована к постели и после того случая почти не шевелилась. Мой мизинец покрывал гипс – напоминание о том, как сильно меня покалечили Ламар и Сидни.

С трудом я осторожно протянула руку и толкнула стакан. Он опрокинулся и с громким звоном рухнул на пол, разлетевшись на осколки, – этот шум наверняка привлёк бы внимание медсестёр и врачей за дверью.

Дверь распахнулась, и они ворвались внутрь с явной паникой в глазах. Медсестра, на чьём бейдже было написано «Прим», закатила глаза, как только поняла, в чём дело.

– Это ты его, чёрт возьми, разбила? – прошипела она, склонившись и рыча, словно злая собака.

– Я, – спокойно ответила я, ничуть не испугавшись, когда она шагнула ко мне.

– Да кем она себя возомнила, чёрт побери? – возмутилась вторая медсестра, бросив взгляд на доктора, который лишь пожал плечами. Что за людей приставляют ухаживать за ра-

ненными оборотнями?

В этих людях не было ни капли сострадания.

– И позвольте спросить, зачем? Может, вы и убирать это будете? – прокричала Прим, с топанием приближаясь ко мне. Неужели она и вправду думала, что я не расскажу Кайе о её поведении? Или рассчитывала, что сможет ему солгать?

Я гадала, что творится у неё в голове – как можно вести себя настолько откровенно-неуважительно.

– Нет! Убирать будете вы. Вы здесь для того, чтобы обо мне заботиться... – твёрдо заявила я, видя, как её лицо скривилось от досады.

– О-о-о-о! – Она театрально закатила глаза и сложила губы в преувеличенное «О». – Мы здесь, чтобы о ней заботиться. Вы только посмотрите на эти замашки! – презрительно хмыкнула она, и её тон сочился сарказмом. – Мы даже не знаем, кто ты такая. То, что ты здесь отдыхаешь, – это привилегия, дарованная сыновьями Короля-Изгоя. В противном случае безволчьи обычно умирают в лесу в одиночестве.

Ухмылка на её губах намекала, что она знает: я безволчья.

– Почему мне никто не сказал? – Внезапно по дому эхом разнёсся сильный, глубокий голос, отчего все в шоке широко распахнули глаза.

– Это Эммет Макуойд, – прошептал один из врачей, поспешно отшатываясь от медсестёр. Те в отчаянии принялись толкать друг друга, пытаясь уйти, но не смогли: братья загродили дверной проём.

Кайе вошёл в комнату, а Эммет следовал прямо за ним. Стало ясно, что Эммет расспрашивал Кайе обо мне. Братья обменялись странным взглядом, посмотрев на медсестёр, а затем их взоры упали на осколки стекла.

– Что здесь происходит? – потребовал Кайе, его взгляд метнулся к осколкам на полу.

– Ох, мы дали ей лекарство, а она... немного буянит, – нагло солгала Прим.

– По-моему, она совершенно спокойна, – заметил Эммет, сунув руки в карманы и не сводя глаз с Прим. Та незаметно поправила свои выющиеся рыжие волосы и выпятила грудь, хотя эта её попытка выглядеть уверенной была отнюдь не утончённой.

– Она обвинила нас в том, что мы плохо справляемся со своей работой, – сказала та, внезапно перейдя на вкрадчивый тон. – Не хочу показаться грубой, но мы так усердно трудимся, и очень обидно, когда кто-то пытается использовать своё положение против нас... – Она опустила взгляд и сцепила руки, пытаясь выглядеть беззащитной.

– Она создавала вам всем проблемы? – с сомнением в голосе спросил Кайе.

– Они лгут. Я лишь попросила воды, а она проигнорировала меня и вышла из комнаты, – быстро объяснила я, надеясь всё прояснить, прежде чем она выставит себя невинной овечкой, а меня – какой-то сумасбродной девчонкой.

– Это неправда. Мы её не слышали. Мы заглядывали к

ней без остановки. Но лучше спросите её – зачем она разбила стакан? – Прим быстро вскинула голову, и когда всё внимание переключилось на меня, она презрительно сморщила нос и самодовольно ухмыльнулась.

– Ты разбила стакан? – спросил Кайе, и у меня к горлу подкатил ком. Они и так считали меня сложной. Предстать в их глазах ещё и избалованной было бы совсем некстати.

– Да, – призналась я, отказываясь лгать.

– Вот видите? А потом она начала командовать: «Вы будете это убирать» и всё в таком духе, – кротко пробормотала Прим, и я стиснула зубы.

– Она говорит правду, – поддакнули остальные медсёстры, принимая её сторону, а врачи хранили молчание.

– Хелани! – Кайе повернулся ко мне с серьёзным лицом. – Я с этим разберусь, потому что у нас ни с кем не поступают несправедливо, – заверил он, и я заметила, как в уголках губ Прим мелькнула самодовольная ухмылка.

– Немедленно извинись перед ней, – твёрдым голосом приказал Кайе.

58 58 – Два красавчика

Хелани:

«Мне даже не нужны её извинения. Я не люблю заставлять кого-то чувствовать себя униженным или оскорблённым. Но раз уж она не проявила уважения к моей работе, думаю, всё в порядке. Я приму её извинения», – Прим выдавила из себя слабую, торжествующую улыбку, пытаясь выглядеть одновременно невинной и самодовольной.

«Что ты несёшь?» – простонал, обращаясь к ней, Эммет.

«Я не просил её извиняться перед тобой. Я говорю тебе извиниться перед Хелани за плохое обращение и за то, что подвергла её стрессу, когда та должна была отдыхать», – заявил Кайе, и его ясный тон поверг всех в шок.

Рот Прим приоткрылся, и она уставилась на Кайе.

«Но с чего бы мне извиняться? Я ведь ничего плохого не сделала», – ответила она смягчившимся тоном, но я видела, что ни один из братьев ей не поверил.

«Значит, ты проверяла её несколько раз, да? А остатки с вечеринки, включённые фильмы, беспорядок в гостиной и на кухне – всё это, должно быть, тоже дело рук Хелани, верно?» – Кайе смотрел ей прямо в лицо, разоблачая её.

«Эм-м, нам просто было скучно, поэтому...» – пролепетала она, вздрогнув, когда Кайе сунул руки в карманы.

«Если бы ты как следует выполняла свою работу, Хела-

ни не пришлось бы разбивать стакан, чтобы привлечь твоё внимание. И всё же у тебя хватило наглости унижать её и выставять в дурном свете, хотя твоя работа заключалась в уходе за ней. Это меня поражает», – Кайе подошёл ближе, нависая над ней. Эммет, ухмыляясь, прислонился к стене.

Я впервые видела, как Эммет получает удовольствие от чужого несчастья.

«Вы уволены. Все до единого», – прочеканил Кайе каждое слово, и в толпе начался хаос.

«Но мы ничего не делали! Это медсёстры – они злились из-за того, что им приходится ухаживать за девушкой без волка», – запротестовал один из врачей, пытаясь переложить вину, когда его работа повисла на волоске.

«Да неужели?» – Эммет повернулся к медсестре, и та ахнула.

«Мы ничего не делали! Это только Прим плохо отзывалась о пациентке», – быстро попыталась выгородить себя одна из медсестёр, которая до этого жаловалась, что я их беспокою.

«У неё есть имя – Хелани», – резко поправил её Эммет и добавил: – «Вы все уволены. Вы слышали моего брата. А теперь убирайтесь отсюда».

Он пренебрежительно махнул рукой, даже не глядя на них, словно устал от затянувшегося разговора. Врачи и медсёстры выглядели подавленными, пока их выпроваживали из фермерского дома.

«Нам нужно нанять для наших людей персонал получше», – заметил Кайе, подходя к моей кровати, но Эммет случайно оттолкнул его, наклонившись ко мне первым.

«Хелани! Тебе и правда от них досталось», – прошептал он, наклоняясь и осторожно приподнимая мой подбородок пальцем, чтобы осмотреть лицо. Его прикосновение было таким нежным, а взгляд с таким напряжением задержался на моих чертах. Знал ли он вообще, каким невероятно привлекательным его считали в нашем мире?

«А как же экзамен?» – спросила я, когда он выпрямился, явно удручённый моими травмами.

«Он отложен», – ответил Эммет.

«Я сам его отложил и арестовал виновных», – быстро встрял Кайе, заставив Эммета слегка повернуться и бросить на него косой взгляд.

«Я смогу сдать экзамен снова?» – я знала, что повторяюсь, как заезженная пластинка, но все мои мысли были сосредоточены только на этом испытании. Я просто хотела поступить в академию, научиться сражаться и защищать себя. Если бы я только смогла, ничего подобного больше бы не повторилось.

«Конечно. Но для этого тебе нужно сначала исцелиться», – сказал Эммет, нежно положив руку мне на голову и погладив, словно маленького, любимого щенка.

Его жест был непринуждённым, но тепло его прикосновения сделало его особенным. Держу пари, он этого даже не

осознавал, а вот я — да.

«Я останусь с ней», — предложил Кайе, и Эммет просто-на-нал.

«Что? Разве тебе не нужно устраивать свой обычный парад в коридоре во время полнолуния?» — поддразнил Кайе, закатывая глаза при упоминании личного коридора Эммета.

Я слышала, что больше туда никто не ходил; он был предназначен только для Эммета. Коридор вёл в гостевую комнату за пределами главного особняка, где тот часто уединялся.

«Да, но присмотри за ней как следует и держи меня в курсе её здоровья», — сказал Эммет, похлопав Кайе по плечу, а затем повернулся, чтобы бросить на меня последний тёплый взгляд. «Хелани, поправляйся, хорошо?» Его руки были в карманах, и он просто кивнул — жест, который почему-то идеально ему подходил.

Я кивнула в ответ, наблюдая, как Эммет уходит, а Кайе следует за ним. Их доброта меня немного удивила, хотя от Эммета, доброго ко мне с самого начала, я уже привыкла такого ожидать. А вот внезапная перемена в поведении Кайе сбивала с толку. Почему он вдруг так обо мне беспокоился?

Я лишь надеялась, что он не вспомнил про связь пары. Я не хотела, чтобы она мешала моим целям. Мой разум был нацелен на месть, и я уже пообещала Богине Луны: пока я не добьюсь своего, я буду отвергать всё, что она для меня выберет.

Так что я и думать не могла об истинной паре, не говоря уже о двух.

«Итак, – Кайе вернулся, потирая руки. – Новая команда врачей и медсестёр прибудет через два дня. До тех пор они будут на связи со мной. С этого момента о тебе буду заботиться я», – сказал он, заботливо поправляя моё одеяло, из-за чего я сощурилась.

Я была уверена, что он заметил мой взгляд. Некоторое время он его игнорировал, но в конце концов не выдержал и посмотрел на меня.

«Что-то не так?» – спросил он, и в его глазах промелькнуло опасение, словно он боялся, что я сейчас скажу.

«Почему ты так добр со мной? Разве не ты выгнал меня из своего дома?» – спросила я, глядя, как он делает глубокий, ровный вдох.

«Люди совершают ошибки. А я никогда не утверждал, что идеален», – ответил он, пожав плечами.

«Нет, серьёзно, почему ты так добр со мной?» – надавила я, и он вздохнул, закатив глаза, словно устал от одного и того же вопроса.

«Я понял, что ты, возможно, не такая злая, как я думал», – сказал он, а затем сделал паузу. – «И если ты задашь мне ещё один вопрос, я могу ляпнуть что-нибудь настолько бесстыдное, что твои щёки вспыхнут. Ты этого хочешь?» То, как он игриво прикусил нижнюю губу, дразня меня, заставило меня ахнуть, и я быстро отвернулась.

Он рассмеялся, но то, что он сказал дальше, удивило меня ещё больше. «Только посмотри на себя! Почему ты так быстро краснеешь? погоди, вот буду я тебя купать – как ты это переживёшь?»

59 59-Потеря моих братьев

Норман:

Я не мог найти себе места с тех пор, как ушёл Кайе. В его глазах было столько вопросов ко мне.

– Он, должно быть, просто расстроился, – предположил Максимус, заметив моё молчание.

– Всё в порядке. Я не обижаюсь на Кайе – он мой брат. Просто... – я замолчал, осознав, что брат видел во мне пример, а я его подвёл.

На самом деле проблема была в Хелани. Она вставала между нами, братьями. Но я тут же решил больше не говорить о ней ни с кем из них. Если мне нужно будет что-то менять ради нашего же блага, я сделаю это тихо, ничего не обсуждая.

– Максимус! Максимус! – когда мы вошли в наш особняк, громкий, высокий голос эхом разнёсся по коридору ещё до того, как мы увидели, кто это был.

Затем появилась Шарлотта, буквально подпрыгивая перед нами. От её широкой улыбки меня передёрнуло. На ней было короткое фиолетовое платье, а в руках она держала тарелку с печеньем.

– Я испекла это для тебя! – сказала она, поднимая тарелку и даже привставая на цыпочки, чтобы дотянуться до Максимуса.

Брат неловко покосился на меня, прежде чем вздохнуть и взять печенье. Её улыбка стала ещё ярче, когда он взял одно.

– О, Норман, не хочешь тоже попробовать? – спросила она, повернувшись ко мне, хотя её взгляд оставался прикован к Максиму. В последнее время я замечал, как она поглядывает на моего брата, и мне это не нравилось. Мы позволили ей остаться здесь, но это не значило, что она и её мать могут начать мутить воду.

– Нет, спасибо. И что ты делаешь на кухне, печёшь печенье? – спросил я, заслоня собой Максима. По её удивлённому виду я понял, что она не ожидала, что я решу с ней разобраться.

То, что я не делал этого раньше, не означало, что я не сделаю этого сейчас.

– Я... я увидела видео о выпечке и решила попробовать. Я вспомнила, как сильно Максим любит домашнее печенье. – Она отступила на шаг, сохраняя осторожную дистанцию, но всё равно украдкой поглядывая на него.

Нерешительность и заикание в её голосе выдавали страх, который она, должно быть, испытывала в тот момент.

– Тебе не нужно ничего делать для меня или моих братьев. А теперь иди и накорми этим печеньем кого-нибудь другого, – повысил я голос, наблюдая, как она вздрогнула. Её мать, услышав шум, выбежала из своей комнаты, защищающе обняла дочь и отвела взгляд, избегая смотреть на меня.

– Пошли. – Я выхватил печенье из руки Максима и

швырнул его обратно на тарелку, проходя мимо них обеих. Они были нехорошими людьми – у них были дурные намерения. Шарлотта, вероятно, пыталась заманить Максимуса в ловушку, потому что, давайте посмотрим правде в глаза, кто бы не захотел выйти замуж за будущего короля изгоев?

– Что это было? Зачем ты вообще взял у неё это печенье? Она тебе интересна? – потребовал я, как только мы отошли подальше. Максимус неловко почесал затылок.

– Нет! – быстро ответил он.

– Тогда зачем ты берёшь у неё печенье? Неужели ты не понимаешь, что она пытается проявить к тебе интерес? Когда ты берёшь печенье, ты даёшь ей надежду, – раздражённо сказал я. Я не мог понять, почему моим братьям так трудно увидеть разницу между простой добротой и поощрением чьих-то ухаживаний.

Кроме того, я бы никогда не позволил Шарлотте вешаться на него. Никому, кто связан с Урсулой, не было места в нашей жизни.

– Прости. Я думал, просто подержу её в неведении, а потом скажу, что не заинтересован, если она спросит напрямую, – пожал плечами Максимус, всё ещё не понимая всей серьёзности ситуации.

– Максимус, здесь нельзя играть в такие игры. Я знаю, что ты встречаешься с другими женщинами за пределами этого особняка, но разве ты не помнишь, о чём тебя предупреждал папа? Ты не можешь приносить свои интрижки в этот дом.

И как бы мне ни было больно это говорить, Шарлотта живёт здесь. Она – семья, хоть и по принуждению, так что если ты будешь её обнадёживать, это станет проблемой, и тебе придётся видеть её каждый день. – Я схватил его за руку, пытаюсь донести до него всю серьёзность дела. Мои братья были для меня всем, единственным смыслом жизни.

Я бесчисленное количество раз пытался научить его терпению и доверию к Богине Луне. Со временем она явит ему его истинную пару. Но он был нетерпелив и, если честно, слишком зависим от женского внимания.

Я поморщился от собственных мыслей; честно говоря, это была отвратительная привычка.

– Ладно, ладно, я понял. Пойду отдохну. Надеюсь, Кайе и Эммет сообщат нам о состоянии Хелани, – голос Максимуса немного смягчился, когда он упомянул её.

Я заметил кое-что странное в этой девушке: каждый, кто проводил с ней время, начинал вести себя странно. Каким-то образом они находили способ завести о ней разговор, словно она наложила на них какое-то заклятие.

– Они слабые, или, может, просто слишком эмоциональные, – пробормотал я себе под нос, направляясь в свою комнату.

Но мне нужно было убедиться, что Кайе по-прежнему видит меня таким, каким видел всегда. Всё, что я делал, я делал для своих братьев. Как он мог так смотреть на меня и осуждать? Его предыдущее замечание действительно задело

меня за живое.

Не то чтобы он сам не совершал ошибок. Но я всегда понимал его и был на его стороне, и он тоже это знал. Именно это ранило больше всего: сегодня он усомнился во мне, и всё из-за Хелани.

Схватив телефон, я набрал номер одного из наших воинов, откинулся на кровать и уставился в потолок.

– Собери мне информацию о Хелани Найлс, – сказал я, кивнув самому себе. Единственный способ справиться с этим – понять, почему она здесь. Если я смогу копнуть её прошлое, возможно, я выясню её истинные намерения.

Как только я повесил трубку, на экране появилось сообщение от Эммета.

Эммет: Кайе вызвался остаться с Хелани и позаботиться о ней. Кроме того, нам понадобится новая команда врачей и медсестёр.

Я сел, ошеломлённый. Это было уже слишком. Ситуация выходила из-под контроля. Хелани нужно было отослать прочь.

60 60-Божественная красота моей сводной сестры

Кайе:

– Хелани! Твои раны нужно промыть, а ванна поможет сбить жар. – Я смотрела, как она нерешительно стоит у кровати, крепко обняв себя и явно не желая этого.

– Я... – в её голосе слышалось тихое сомнение, а взгляд был прикован к полу, словно её здесь и не было. Казалось, будто здесь находится лишь её тело.

Я подошла и, не касаясь её руки, указала на ванную и направилась туда. Когда я приблизилась к двери, она медленно пошла за мной, потирая локоть и по-прежнему не поднимая глаз. Я никогда не видела никого с такой чистой невинностью.

В моей голове эхом отдавались слова брата.

Нет! Она совсем не походила на свою мать.

На самом деле, она, казалось, отличалась от любой другой волчицы.

Когда она вошла в ванную, я оставила её одну, чтобы она могла раздеться и лечь в ванну. Зайдя через несколько минут, я увидела, что она разделась не до конца – она сидела в воде в бюстгальтере и трусиках. Я поняла, что ей некомфортно полностью обнажаться передо мной, и я уважала это.

Я села рядом с ней, осторожно держа в руке мочалку и легчайшим прикосновением прижимая тёплую ткань к её израненной спине.

Даже без прямого контакта моё сердце сжималось, пока я работала. В Хелани было что-то неотступно-печальное. Она почти не двигалась, её взгляд был устремлён куда-то вдаль, отстранённый.

Она почти ничего не говорила с тех пор, как я настояла на том, чтобы помочь ей с ванной.

– Дай знать, если будет больно, – пробормотала я, но она не ответила.

Я перешла к её плечу, осторожно обходя особенно тёмный синяк. Её кожа под моими пальцами была тёплой, и на мгновение я почти забыла, зачем я здесь – растворившись в тихом плеске воды, слабом аромате лаванды и мягком ритме её дыхания.

Она была такой особенной, её запах – почти пьянящим, необъяснимо успокаивающим. В её присутствии я не чувствовала привычной необходимости держать марку.

Поняв, что я отвлеклась, я заставила себя вернуться в реальность и сосредоточилась на том, чтобы выжать мочалку.

Однако на её спине было нечто, от чего я не могла отвести взгляд, – круглые ожоги, разбросанные по коже.

Розоватые шрамы, казалось, заживали, но это были безошибочно узнаваемые ожоги от сигарет.

В тот момент, когда я позволила мочалке соскользнуть в

воду и осторожно коснулась одной из меток, я почувствовала, как тело Хелани вздрогнуло. Это лёгкое, испуганное движение сказало мне, что она только что вернулась в настоящее из тех далей, где витала мыслями.

– Этого достаточно. Спасибо за помощь, – быстро проговорила она, почти отстраняясь, её голос был полон настоятельности.

– Я почти закончила, – мягко ответила я, хотя и чувствовала её беспокойство.

– Нет! Всё в порядке. Я справлюсь сама, – настояла она, потянувшись за мочалкой, которая соскользнула в ванну.

– Э-э... она под тобой, – сказала я, размышляя, помочь ли ей найти её или просто оставить в покое.

Она была необычайно напряжена и не хотела, чтобы я продолжала – и это было не похоже на личный выбор, а скорее на то, будто мысль о прикосновениях вызывала у неё отвращение.

– Эй, что происходит? – наконец спросила я, не в силах понять, почему она казалась такой несчастной, но так упорно боролась. Я никогда не слышала, чтобы она говорила о парнях, парах, косметике или о чём-то обычном, что нравится людям её возраста. Даже когда она жила в особняке, я не видела, чтобы она разговаривала со своей матерью. И это напомнило мне, как её мать хотела от неё избавиться. Почему? Как мать может так сильно ненавидеть свою дочь и за что?

– Что это за метки по всему твоему телу? – Как только я

упомянула их, она подняла голову, и у меня перехватило дыхание. Её глаза были красными, словно она пыталась сдерживать слёзы.

– Я... человек, помнишь? – ответила она голосом чуть громче шёпота. – У меня нет волка, который бы меня исцелил, поэтому шрамы остаются, а моё тело хрупкое. Можешь, пожалуйста, выйти, чтобы я могла одеться? – После своего ответа она быстро отвернулась.

Было до боли ясно, что её тайны очень много для неё значат. Никакие расспросы или давление не заставят её открыться.

Может, дело в проблемах с доверием?

– Конечно. Я не хотела доставлять тебе дискомфорт. – Я встала, указала на чёрное платье, которое оставила для неё, и вышла из ванной.

Вернувшись в спальню, я начала мерить шагами комнату из угла в угол.

«Безжалостная Кайе сходит с ума из-за нескольких меток на спине незнакомки», – насмешливо протянул Йе, заставив меня закатить глаза.

«Что? Я расстроил тебя, назвав её незнакомкой?» – Он всегда знал, как задеть меня за живое.

«Почему ты отклоняешься от своего мотива? Что стало с твоими целями? Уж конечно, забота о дочери той женщины не входила в список, не так ли? Надеюсь, ты не забыла, что её мать сделала с тобой и твоей семьёй». Слова Йе сочлились

ядом, заставляя меня закрыть глаза. Но стоило мне это сделать, как перед глазами вспыхнули те ожоги на её спине.

– Она вела себя так, будто это пустяк, словно ожоги от сигарет – это нормально, то, на что люди просто не обращают внимания. Но они же волки, поэтому заживают, – пробормотала я себе под нос. В этот момент дверь ванной открылась, и я быстро взяла себя в руки.

Она вышла в чёрном платье, её кожа была нежной и сияющей.

Когда она села на кровать, я повернулась, чтобы уйти за едой для неё, но её голос – нежный и тихий – позвал меня по имени, и мой мир, казалось, замер.

– Кайе!

Он был таким деликатным, что волосы у меня на затылке встали дыбом.

– Спасибо. – Её простая благодарность наполнила меня удивительным чувством гордости, заставив почувствовать себя важной.

Лёгкая улыбка тронула мои губы, и я глубоко вздохнула, прежде чем, кивнув, обернуться к ней.

Её платиновые волосы были ещё влажными и свободно падали на плечи, создавая разительный контраст с чёрным платьем.

В этот момент меня окатила волна отвращения, и я быстро покинула комнату. Разве это не неправильно – думать так о своей сводной сестре?

«Представь, что сказала бы Мама», – мрачно прошептал
Йе, и по моей спине пробежали мурашки.

61 61-Мокрый Принц

Хелани:

После ухода Кайе у меня не было сил дожидаться еды, и я решила отдохнуть. В тот миг, когда я легла в постель, меня охватило удушье. Казалось, будто меня кто-то топит – я могла поклясться, что почувствовала, как намокли мои волосы.

Я заставила себя открыть глаза и, к своему удивлению, оказалась уже не в той кровати, в которую только что легла. Меня окружала тьма, а моё тело было наполовину погружено в холодную воду.

– Где я? – пробормотала я, и мой голос эхом отразился в пустом пространстве.

Подняв голову, я заметила наверху тусклый свет. Меня осенило – я в колодце.

Воздух был холодным и сырым, когда я прижалась спиной к склизкой каменной стене.

– Ха! Как... я здесь оказалась? – пролепетала я, чувствуя, как лихорадочно вздымается и опадает моя грудь. Колодец был узким, ровно настолько, чтобы я могла вытянуть руки и коснуться шершавых, мокрых камней по обе стороны.

– Кто-нибудь, помогите, пожалуйста, – проскулила я почти неслышно. Маленький круг света наверху освещал лишь верхнюю часть колодца, а под ногами зияла тьма. Казалось, с каждым моим неглубоким вдохом стены сжимались всё

сильнее. Грудь сдавило, когда я заметила наверху чью-то фигуру.

Это было знакомое лицо. Он выглядел растрёпанным и держал в руках тяжёлую крышку от колодца. Это он меня сюда бросил?

Должно быть, это он.

Он определённо собирался закрыть крышку.

– Норман! Нет! – закричала я так громко, что от собственного крика проснулась.

Я не могла поверить в то, что только что увидела. Норман бросает меня в колодец? Это был... просто кошмар или предупреждение, что с ним нужно быть осторожнее?

Я снова ахнула, отчаянно хватая ртом воздух, но казалось, что его всё равно не хватает. Воспоминание о сне было слишком реальным, слишком ярким. Ощущение ловушки в том колодце болезненно засело у меня в голове.

– Хелани! – я чуть не подпрыгнула, увидев Кайе, стоявшего в дверях. Должно быть, он проснулся, когда я начала кричать во сне.

Я молча смотрела на него, когда он подошёл ближе и сел рядом со мной, пристально изучая моё лицо.

– Я была в... – попыталась выговорить я, думая, что успокоилась, но у меня перехватило дыхание, и я снова начала задыхаться.

– Тш-ш, всё в порядке. Это был просто сон, – его голос был низким и успокаивающим, хотя он едва пробивался

сквозь мою панику. Его глаза блестели в тусклом свете ночника.

– Он... он бросил меня в колодец. Он хотел запереть меня там... – мой голос дрогнул, и слёзы защипали глаза, когда я вспомнила его лицо.

– Кто? Кто бросил тебя в колодец? – взгляд Кайе впился в мой. Он наклонился ближе, его глаза были напряжены. Эта настойчивость окончательно разбудила меня, вернув в настоящее.

Я инстинктивно отстранилась, делая глубокие, успокаивающие вдохи. Сегодня он был добр ко мне, но кто знает, как он поведёт себя, когда я встану на ноги. Людям нравятся сломленные; когда несчастные поднимают головы, они начинают мешать остальным.

– Я в порядке. Это просто кошмар, – сказала я, прокашлявшись, и закрыла лицо руками, стирая остатки сна и паники.

– Это был Ламар? Не волнуйся, он к тебе больше не приблизится. – Я медленно убрала руки от лица, удивлённая тем, как уверенно Кайе меня успокоил. Поверила ли я ему?

Нет.

Если я и могу на кого-то положиться, то только на себя. Я сама должна себя защищать.

– Хелани... я хочу знать... – он хмурился, изучая моё лицо, но в этот момент зазвонил его телефон, прервав нас.

Он взглянул на экран, и его лицо изменилось; он подско-

чил с кровати, будто увидел призрака.

– Мама? Как ты? – сказал он, отвечая на звонок с натянутой улыбкой.

Они никогда особо не говорили о своей матери, но я знала, что они её любят. Они так и не смогли принять мою мать как новую жену своего отца, даже по прошествии стольких лет.

– А, хорошо. Я приеду, как только смогу, – ответил он и повесил трубку. Он не сразу повернулся, чтобы посмотреть на меня, и быстро набрал другой номер.

– Эммет, звонила мама. Она хочет, чтобы я приехал. Ты где? – он теребил пальцы и грыз ногти, а его лицо омрачила тревога.

Я не понимала, почему звонок от матери заставил его так нервничать.

– А, это хорошо. Мне скоро нужно будет уехать, – пробормотал он с некоторым облегчением, хотя всё ещё мерил шагами комнату, нервно вытирая рот.

– Спасибо. Пока, – он закончил разговор едва слышным шёпотом, затем, казалось, вспомнил, где находится, и взглянул на меня со слабой, надломленной улыбкой.

– Э-э, Эммет будет здесь через несколько минут. Мне нужно идти, – сказал он неловким тоном и повернулся, чтобы уйти. Но, дойдя до двери, он резко обернулся, будто что-то вспомнив, и заговорил таким уязвимым голосом, что его было почти не узнать.

– Пожалуйста... береги себя.

Вскоре он скрылся из виду, но я всё вспоминала, как он на меня посмотрел. Я прилегла на несколько минут, но потом услышала, как открылась входная дверь. Мне удалось встать с кровати, чтобы посмотреть, кто это.

Я знала, кто это мог быть.

Это должен был быть Эммет.

Я не ошиблась. Я вышла из своей комнаты, но не смогла пройти через всю гостиную, потому что всё ещё чувствовала слабость во всём теле.

Весь дом был окутан тьмой, и лишь вспышки молний освещали его. Я наблюдала, как тёмная фигура вошла и закрыла за собой дверь.

Зажёгся свет, осветив лицо Эммета, и у меня перехватило дыхание. Он промок до нитки под дождём и, войдя, первым делом начал расстёгивать мокрую рубашку.

Он включил лампу на столике и небрежно положил телефон, одной рукой расстёгивая рубашку.

Я хотела обозначить своё присутствие, но замерла, когда он снял рубашку, обнажив своё точёное тело.

Он был невероятно мускулистым, его тело украшали татуировки, но они не покрывали его целиком. По центру груди тянулась большая татуировка в виде меча, а вдоль рёбер шла какая-то надпись.

– Ох! – в тот миг, когда он наконец меня заметил, я ахнула и быстро отвернулась.

Теперь будет неловко.

62 62-Моя дорогая Мать

Норман:

«Я слышала, что произошло на экзаменационной площадке». Её голубые глаза обратились ко мне, пока она грациозно держала чайную чашку. Даже после всего случившегося она сохраняла самообладание. Её осанка всегда была прямой, а вид – суровым.

«Два кандидата совершили преступление, а затем солгали Максимуму Макквойду», – использовал я слова, которыми другие описывали тот инцидент.

«Хм, и ты добился их исключения?» – она склонила голову набок, её взгляд был вопросительным.

«Арестованы! Мы не можем позволить таким опасным существам разгуливать на свободе», – ответил я, отказываясь взять чайную чашку, которую протягивал мне её королевская бета.

Мистер Ларри Табойда дружил с ней с детства. Но когда моя мать покинула стаю, он остался. Теперь, когда моя мать вернулась в свою стаю и служила королевой-альфой, она наняла его на работу.

«Норман! Кто жертва и почему она не в больнице, а на фермерском доме, где вы с братом живёте?» Я знал, что мать заговорит об этом. У неё была информация о каждом из нас; её доверенные люди следили за нами, но мы никогда не

предъявляли ей претензий по этому поводу.

Это ведь мать беспокоится о своих сыновьях, так?

«Раз уж вы знаете, что она живёт в нашем фермерском доме, я уверен, вы должны знать, кто она», — ответил я, качая головой. Мистер Ларри отдёргнул руку, но на этот раз мать сама схватила чашку и протянула её мне.

Её светло-голубое платье походило на летний бриз, а волосы развевались на ветру, дувшем из окна.

Мистер Ларри сообщил мне, что мать хочет меня видеть, поэтому мне пришлось всё бросить и поспешить сюда. Она вызвала и Кайе, так что я знал, что она хотела с нами обсудить.

«Дочь Урсулы? Я слышала, она какое-то время жила у вас, но потом уехала, а теперь пытается поступить в академию?» В её голосе звучала горечь; я знал, что она не хотела бы видеть её в нашей академии.

«Она не пройдёт испытания. Не о чем беспокоиться». Я принял чашку и заметил, что мать смотрит, как я из неё пью.

«И всё же она в фермерском доме. Впрочем, я позвала тебя не для того, чтобы говорить о какой-то бесполезной твари или дочке охотницы за золотом. Я здесь, чтобы внести предложение». Она выпрямила спину, играя с чёрным бриллиантом на пальце. Это был редкий камень, совсем как моя мать — она тоже была редкостью.

«Привет, простите, я опоздал!» В этот момент в комнату ворвался Кайе, встревоженный и взволнованный. Я ненави-

дел то, какое влияние на него оказывало присутствие матери. Рядом с ней он всегда был как на иголках, постоянно боясь сделать что-то не так. Дело было не только в чём-то серьёзном – даже его кашель выводил её из себя.

«Ничего нового», – сказала моя мать с яркой улыбкой, пытаясь свести всё к шутке, но её замечание, должно быть, задело Кайе.

«Всё в порядке. Ты очень помог в последние несколько дней», – быстро заступился я за него, но мать лишь удручающе закатила глаза.

«Мама! Я ушёл в ту же минуту, как ты позвонила...» – с улыбкой на губах Кайе повернулся к леди Дарси Катц, но та была настолько властной, что даже не удостоила его вниманием и тут же перебила.

«Освободите этих двух студентов». Она откинулась на спинку кресла, закинув ногу на ногу, и стала наблюдать за нашей реакцией.

«Что? Сидни и Ламара? Они совершили чудовищное преступление. Если дать им шанс сегодня, они повторят это снова, думая, что неуязвимы». Кайе выглядел таким пылким, рассуждая о справедливости, что, честно говоря, я почувствовал себя виноватым за то, что не поступаю так же.

«О! Кайе решил сосредоточиться на правильных вещах, а не валяться в траве?» От этого замечания матери Ларри повернулся к нам и рассмеялся вместе с ней.

«Они – сокровища, а не какая-то трава», – громко заявил

я, и улыбка сошла с лица Ларри.

«Неважно», – грубым тоном сказала мать. – «Но освободите этих двоих. У вас нет никаких доказательств. Кроме того, вы знаете, кто отец Сидни? Он – королевская бета стаи Кровавых Охотников, а также крупнейший инвестор в моей ювелирной компании». Взгляд матери задержался на Кайе, которому было невероятно не по себе, когда он услышал её требование освободить Сидни и Ламара из-под стражи.

«Мама! Жертва очнулась и...» – я смотрел, как Кайе пытается объяснить, но мать покачала головой.

«И что? Тогда заставь её снова уснуть». От её слов тело Кайе прямо у меня на глазах пробила дрожь, и я почувствовал лёгкую боль в сердце.

«Вы же не собираетесь создавать столько проблем из-за этой безволчьей шлюхи-изгой, так? Вы знаете, что альфа стаи Кровавых Охотников оказывает на нас сильное давление? И, кстати, мне нужно напоминать вам правила? Изгой, не состоящие в академии, по сути, уязвимы, и никто не несёт за них ответственности. Даже если она умрёт, Ламара и Сидни нельзя будет привлечь к ответу».

Я был потрясён, когда мать объяснила нам это правило. Изгой, не принадлежащие ни к нашему особняку, ни к академии, не подпадают ни под какие правила. Они – изгой, и у них нет ни безопасности, ни защиты. Я знал это правило, просто забыл о нём.

Я хотел защитить своего брата Кайе, но это было важное

правило, и если бы альфа стаи Кровавых Охотников стал защищать дочь своей беты, нас бы обвинили в его нарушении.

«Итак, я надеюсь, вы не хотите, чтобы альфа и королевская бета послали своих воинов за этой девчонкой-изгоем. Потому что не будет ни одного правила, которое защитит её от их гнева. Так что молча снимите обвинения и не позорьте ни себя, ни меня», – сказала мать, глядя прямо в глаза Кайе. Я знал, что она берёт его под свой контроль.

Кайе скорее сам совершил бы преступление, чем расстроил нашу мать. Самым шокирующим было то, что, хотя мне совсем не нравилась Хелани, я почувствовал, что всё это неправильно в тот момент, когда Кайе вздохнул и сдался.

63 63-Идеальный мужчина

Хелани:

“Прости,” – сказала я, отвернувшись, чтобы дать ему спокойно переодеться, пока он доставал из своей сумки другую рубашку. Всего несколько дней назад эти братья меня люто ненавидели. А теперь они по очереди обо мне заботятся? Или всё дело в чувстве вины и ответственности за то, что кто-то из приюта напал на другую кандидатку?

“Я тебя разбудил? Прости, не думал, что так шумлю,” – тихо пробормотал он своим глубоким, хриловатым голосом.

“Нет, всё в порядке. Я... я не могу снова уснуть после кошмара,” – призналась я, ожидая, пока он закончит переодеваться.

Он подошёл ко мне сзади, осторожно коснулся моего плеча двумя пальцами, а затем прошёл мимо. Это был его непринуждённый способ дать мне понять, что он закончил.

Я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как он распустил волосы и быстро встряхнул ими, освобождая пряди.

“Тогда я приготовлю тебе что-нибудь поесть, ты, должно быть, умираешь с голоду,” – предложил он, направляясь на кухню и доставая хлеб.

Я медленно подошла и села за стойку, пока он разбивал яйца и начинал их взбивать.

“Можно тебя кое о чём спросить?” – я больше не могла сдерживать своё любопытство.

Он был таким другим, таким особенным. Мне было интересно, почему он не на стороне своего брата.

“Спрашивай,” – сказал он, склонившись над сковородой. Он опустил голову, но не сводил с меня глаз. Его большие, сильные и уверенные руки лежали на стойке.

“У тебя есть пара?” – спрашивать его об этом было странно, но я не смогла себя остановить.

Дело было не в том, что я хотела, чтобы он заявил на меня права, – мне было просто любопытно. Быть признанной и любимой своей парой было далеко не моим главным приоритетом.

К тому же, я почувствовала связь пары и с его братом. Но поскольку это случилось лишь во сне, а у меня нет волка, чтобы это подтвердить, я, возможно, никогда не узнаю, что на самом деле значил тот опыт.

“Не-а!” – ответил он, с нажимом выделив последний звук.

“Да и не хочу её находить. Я верю в родственные души больше, чем в связь пары,” – сказал он, удивив меня тем, как он разделял эти два понятия.

“Но... разве пара не должна быть родственной душой?” – спросила я, наблюдая, как он, слегка прищулив один глаз, покачал головой.

“Для многих – да. Но я в это просто не верю,” – сказал он, собирая сэндвич. Я поймала себя на том, что ушла в свои

мысли.

Может, нас объединяла нелюбовь к Богине Луны? Поэтому он и отверг то, что она для него выбрала?

“А ты? Хочешь найти свою пару?” – спросил он, пододвигая ко мне тарелку. Я уставилась на сэндвич и яичницу-болтунью. Выглядело всё это очень аппетитно.

Как он мог быть таким идеальным?

“У меня нет волка,” – ответила я, надеясь, что этого оправдания будет достаточно.

“Но это не значит, что ты не можешь впервые почувствовать связь пары. Главное, чтобы это случилось в полную луну и при физическом контакте с твоей парой. Можешь, например, сходить на бал полной луны и потанцевать там,” – небрежно сказал он, откусывая свой сэндвич.

Конечно, он всё знал. Неужели я и вправду думала, что смогу его обмануть? Он знал всё о волках и о том, как они могут почувствовать связь пары, даже если их собственный волк спит.

Неловко поёрзав на стуле, я съела немного яичницы. “Раз уж ты тренер и профессор в академии, ты, должно быть, встречал многих, у кого нет волка. Кто-нибудь из них в итоге находил своего волка?” – я и сама не знала, какой ответ надеялась услышать, ведь академия редко принимала таких студентов.

“Хм, в университете – нет, но за его пределами – да,” – кивнул он, склонившись над тарелкой и оперевшись руками

о стойку. У него были такие здоровые волосы – они так красиво блестели.

“И?” – подтолкнула я.

“Честно говоря, они обычно находили своих волков до двадцати лет,” – ответил он, и его слова меня ободрили.

После этого я ничего не сказала, молча сосредоточившись на еде.

“Однажды у тебя появится свой волк, Хелани. Но для этого придётся потрудиться, возможно, даже пойти на жертвы,” – задумчиво сказал он. – “Иногда желания сбываются, только если ты готова отпустить то, что любишь больше всего”.

Его слова застали меня врасплох. Когда я подняла на него глаза, он, погружённый в свои мысли, смотрел куда-то в стену.

Именно в этот момент зазвонивший телефон наконец вывел его из оцепенения. Он слегка встряхнул головой, затем взял его, оперевшись одной ладонью о стойку и глядя на экран, прежде чем ответить.

“Слушаю,” – сказал он, выходя из кухни.

“Я так и думал, что они пойдут этим путём,” – услышала я, и его голос становился всё тише, пока не затих совсем.

Как ни странно, я чувствовала себя намного лучше. Братья и вправду сделали всё возможное, чтобы обо мне позаботиться.

Через несколько минут после того, как я доела, вернулся Эммет с разочарованным выражением лица. Он бросил те-

лефон на стойку, и тот остановился у самого края. Я поняла, что случилось что-то плохое, что-то, что его сильно беспокоило.

“Всё в порядке?” – спросила я. Он вздохнул, тяжело оперевшись руками о стойку и нависнув над ней своей широкой фигурой.

“Им пришлось отпустить Ламара и Сидни. Одиночки, не связанные с особняком или академией, не получают никакой защиты, поэтому любое преступление против них, по сути, и не считается преступлением,” – сказал он с горечью в голосе, явно расстроенный этой новостью.

Я была не просто разочарована – я была ещё и напугана. Но я сохраняла спокойное выражение лица, не желая показывать, насколько сильно меня это встревожило.

“Всё в порядке. Я просто хотела, чтобы они признали, что преступление было совершено,” – сказала я, выпрямив спину, и он удивлённо на меня посмотрел.

“Хелани, это нормально – показывать разочарование, злиться,” – мягко сказал он таким нежным голосом, что я невольно слегка ему улыбнулась.

“Со мной всё будет в порядке. Как только я окажусь в академии, я буду в безопасности,” – уверенно ответила я. Он кивнул, почти с гордостью, словно восхищаясь моим оптимизмом.

Но теперь, как никогда прежде, я была полна решимости довести это дело до конца.

64 64-Несправедливый мир

Хелани:

– Мы так за тебя волновались. Мы хотели навестить тебя, но никто не говорил нам, в какой ты больнице, – сказала Люси, крепко сжимая мою руку, как и с самого моего приезда. Я вернулась через неделю. Мои раны зажили, но душевное напряжение лишь усугубило мои тревоги.

– Сейчас мне намного лучше, – ответила я, не желая говорить ей, что на самом деле я была в фермерском доме своего сводного брата. Я научилась никому не доверять свои секреты. Если мои сводные братья не раскрыли моего местонахождения, то и мне, наверное, не стоит.

После того как Эммет объяснил план, его попросили уехать, чтобы разобраться с делами академии, оставив меня одну в фермерском доме с врачами и медсёстрами. Новая медицинская команда была вполне приличной, и мой комфорт был для них главным приоритетом.

Сегодня утром воин сопровождал меня в убежище. Я слышала, что сегодня возобновляют экзамены.

– Этих двоих вообще не следовало выпускать из тюрьмы, – пробормотал Гэвин, качая головой, пока наблюдал, как Салем выходит из ванной, уже одетая для экзамена.

– Прошу прощения? А почему это? Они не нарушили никаких правил, – пожала она плечами, и её взгляд, упавший

на меня, сузился, полный враждебности и раздражения.

– Но они причинили боль человеку. Эти правила существуют не просто так – они нужны, чтобы держать животных в узде. Если кто-то нападает на изгоя, он ничем не лучше животного, – возразил Гэвин, заставив Салем закатить глаза и взять в руки плойку.

Она схватила прядь волос и начала накручивать её на горячий стержень в руке. – А ты хоть раз подумал, как всё это отразилось на репутации моей сестры? Она была в тюрьме. Ради Богини, у неё даже косметики с собой не было. Одна мысль о том, что она спала, не сделав свои процедуры по уходу за кожей, приводит меня в ужас.

К сожалению, для таких, как она, подобное поведение было в порядке вещей. Я и не ожидала от неё ничего другого.

– В любом случае, сейчас я в порядке и готова к экзамену, – сказала я, демонстративно игнорируя эту женщину и пытаюсь сосредоточиться на тех двоих, кто действительно был добр ко мне.

– Тогда пойдём – тренеры уже здесь, – сказал Гэвин, взглянув на свой телефон. Моё сердце пропустило удар при мысли о том, что мне снова придётся столкнуться с Ламаром и Сидни.

Я пошла за ними, одетая в тот же коричневый спортивный костюм, который Люси дала мне ранее. Она его отстирала, и я была благодарна ей за заботу.

Как только мы вышли на тренировочную площадку за убе-

жищем, я заметила аккуратно расставленные для зрителей сиденья. Наконец-то прибыли братья.

Они все почему-то были одеты в чёрное, а позади них стояла группа воинов, среди которых были Ламар и Сидни. У меня всё сжалось внутри при их виде, и я быстро опустила голову, делая глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Когда группа подошла к помосту рядом с братьями, Норман вышел вперёд.

– Этих двоих посадили в тюрьму не просто так. К сожалению, законы не в полной мере распространяются на изгоев. Но это не значит, что мы и впредь будем терпеть подобное поведение. Этим двум кандидатам дали ещё один шанс, и он будет последним. Если их поймают... – Норман сделал паузу, словно осознавая несправедливость ситуации. Их могли бы, по крайней мере, отстранить от занятий в академии.

– Если их поймают снова, они будут исключены.

Как только он закончил, Салем радостно вскрикнула, очевидно, в восторге от воссоединения с сестрой. Но Сидни не поднимала головы, не желая даже взглянуть вверх.

– Однако Ламар и Сидни больше не смогут претендовать на статус Короля Альф. Сидни может тренироваться здесь, но без какой-либо гарантии когда-либо достичь желанного ранга королевской беты, и то же самое касается Ламара. Никому из них не будет позволено стать Альфами или королевскими бетами, – объявил он, и я наконец подняла взгляд.

То, как Ламар стиснул челюсти и закрыл глаза, ясно дава-

ло понять, что это наказание его задело. Сидни закрыла лицо руками и зарыдала.

– Если вы не хотите для себя такого будущего, можете сняться с экзамена и поступить в академию, где терпят подобное поведение, – прошипел Норман, и его взгляд стал острым.

Я заметила, как братья обменялись облегчёнными взглядами. То, как Норман повернулся к ним, расправив плечи, ясно дало понять, что его мотивы были связаны не только со справедливостью – или со мной. Он делал это для своих братьев.

– Итак, каково ваше решение? – спросил он их двоих прямо перед началом экзамена. Оба выглядели заметно измождёнными, вероятно, после бессонной ночи, полной сожалений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.